

А. Т. Урушадзе

СВОИ ИЛИ ЧУЖИЕ? ГРУЗИЯ И ГРУЗИНЫ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ И ЧИНОВНИКОВ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

УДК 94(479.22)

ББК 63.3(5ГРУ)

В статье рассматриваются истоки и особенности складывания образа Грузии и грузин в представлениях российского общества первой половины XIX в. В служебной документации и воспоминаниях российских офицеров и чиновников Грузия и ее жители представлялись частью восточного азиатского мира. Мотив единоверия не играл существенной роли в выстраивании ментальной карты Грузии, которая в рассматриваемых источниках не выделялась как территория, отличная от районов Кавказа, населенных мусульманскими сообществами. Грузины также не воспринимались надежными партнерами по «умиротворению» Кавказского края, им отводилась роль сомнительных союзников.

Ключевые слова: *Грузия, грузины, Российская империя, Кавказская война, образы восприятия*

Слова о религиозной и ментальной близости, а иногда и о родстве русских и грузин давно стали риторической фигурой, к которой часто прибегают политики и журналисты, желая сказать очень многое не сказав ничего. Дожившая до наших дней интуитивно чувствуемая близость двух народов является в большей степени наследием советской эпохи. Конструирование взаимного ментального притяжения проходило не в последнюю очередь благодаря советскому кинематографу, создавшему романтический образ благородного, щедрого и беспечного грузина (киноленты «Отец солдата», «Кувшин», «Не горюй», «Мимино» и др.). В СССР русские и грузины совместно прожили чуть менее семидесяти лет, а в составе Российской империи различные части Грузии находились более столетия. Это было противоречивое время взаимного узнавания и одновременно преодоления старых и закрепления новых стереотипов, формирования исторических обид и разочарования в ожиданиях.

Рассматриваемый в статье хронологический период — первая половина XIX в. — имеет для анализа проблемы ключевое значение. В отличие от Северного Кавказа, интеграция которого в пространство Российской империи проходила под непосредственным влиянием

Кавказской войны, растянувшейся на большую часть XIX в. и отсрочившей социокультурное присвоение края имперскими структурами, Грузия раньше начала приобщаться к системе новых ценностей и стандартов жизни. Именно в Грузии были открыты первые российские учебные заведения, театры, библиотеки, научные институты, начали выходить газеты и журналы. Тифлис на протяжении XIX — начала XX вв. был имперским административным и культурным центром на Кавказе. И, наконец, именно в Тифлис первоначально прибывали российские офицеры и чиновники для дальнейшего служебного распределения.

Впечатления российских офицеров и чиновников о Грузии и ее жителях нашли отражение в многочисленных рапортах, письмах, воспоминаниях, газетных статьях. На основе их анализа мы попытаемся проследить единство и многообразие оценок и мнений, сформировавших имперский дискурс о Грузии и грузинах. В научной литературе обозначенная проблема уже обсуждалась, но на основе анализа произведений русских писателей-классиков — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого.¹ Такой подход позволил раскрыть различные стороны «грузинской» (и шире «кавказской») темы в творчестве великих литераторов, но оказался далек от выявления модальных форм восприятия Грузии

Урушадзе Амиран Тариелович — к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: urushadze85@mail.ru

¹ См.: Layton S. Russian Literature and Empire. Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, 1994; Цуциев А. А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа.. 2001. Ч. 1. № 2. С. 65–74; Ч. 2. № 3. С. 46–56.

и грузин в среде российской административной и военной элиты.

Еще до присоединения Грузии к Российской империи должностные лица последней выражали полную уверенность в бесперспективности самостоятельного политического бытия Грузинского царства. В «Записке о Грузии» статского советника П. И. Коваленского, полномочного министра Павла I при дворе последнего грузинского царя Георгия XII, написанной в августе 1800 г. утверждалось: «Сохранения бытия его (Грузинского государства — А. У.) до сих пор в такой точке, на которую устремлены взоры многочисленных его соседей, и большею частью таких, у коих право сильного считается верховнейшим, казалось бы достаточным ко удовлетворению любопытствующего, что внутренним благоустройством и искусным распоряжением внешних соотношений содержится сия целостность существования правительства здешняго. Но опыт доказывает тому противное и что единая и важная подпора Грузии, в настоящем ее при сих недостатках положения, состоит в Высочайшем Российском покровительстве...» (здесь и далее курсив мой. — А. У.).² Интересно, что автор «записки» стал в Тифлисе фигурой одиозной и вскоре был отозван Павлом I из Грузии по жалобам Георгия XII. Некоторые причуды полномочного министра описаны в секретном донесении коллежского секретаря Соколова государственному канцлеру А. Р. Воронцову. Особенно комичной и одновременно оскорбительной для грузинского царствующего дома выглядит следующая выходка Коваленского: «По окончании аудиенции у царя был он у царицы, супруги царской, в том же самом наряде (шубе, высокой шапке и теплых сапогах. — А. У.), но ролю свою украсил еще особенною выдумкою. Стоя против царицы и посмотрев на часы, сказал ей величеству, что по обыкновению Российскому полдень называется адмиральским часом и что время пить водку. Царица приказала подать водки и аудиенция министра тем кончилась».³ На такое поведение Коваленского можно смотреть как на частный случай, обусловленный особенностями личного жизненного опыта, но можно разглядеть в нем и другие мотивы: уполномоченный чиновник Российской империи нарочито демонстри-

ровал несоразмерность власти российского императора и грузинского монарха, требуя к себе повышенного внимания и отказывая правящей династии Багратионов в надлежащем почтении.

Одной из первых имперских ментальных карт Грузии стал «Манифест к грузинскому народу» императора Александра I от 12 сентября 1801 г. В документе закреплялось несколько ключевых конструкций восприятия новой окраины империи, которые стали основой для ее дальнейшего образного картографирования. Во-первых, Грузия была отнесена к Азии. В «Манифесте» это обозначалось так: «Соединением всех сих зол не токмо народ, но даже и имя народа Грузинского, храбростью прежде столь славного во всей Азии, потребилось бы от лица земли». Во-вторых, Грузия представляется разделенной на различные части: «Но ближайшии по сему исследованию наконец убедили Нас, что разные части народа Грузинского, равно драгоценные нам по человечеству, праведно страшатся гонения и мести того, кто из искателей достоинства Царского мог бы достигнуть его власти». Кроме того, Грузия предстает как страна разоренная, с трудом балансирующая «на краю бездны зол», от окончательного падения в которую ее может спасти только «мощная рука справедливой власти».⁴

Эта схема восприятия Грузии как раздробленной внутренними беспорядками азиатской страны, находящейся на «краю бездны зол», стала не только способом ее описания, но и моральным оправданием ее присоединения к империи. Даже российские либералы, критически настроенные по отношению к власти и ее решениям, познавали новую имперскую провинцию под влиянием духа «Манифеста». Один из первых «кавказских» мемуаристов-интеллектуалов, генерал С. А. Тучков, отправившийся в Грузию в 1801 г., описывая свои впечатления, замечает следующее: «Кто впервые въедет в пределы Грузии, тому, конечно, удивительно покажется, что, подъезжая к какому-нибудь селению, о котором он предварен, не видит он никаких признаков жительствова, кроме башен, замков, а иногда церкви. Это потому, что все дома жителей состоят из землянок, крыши которых ровны с поверхностью земли».⁵ Грузия выступает здесь пространством, вызывающим

² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее — АКАК). Т. 1. Тифлис, 1866. С. 123.

³ АКАК. Т. 2. Тифлис, 1868. С. 5.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 26. СПб., 1830. С. 782, 783.

⁵ Тучков С. А. Записки 1766–1808 гг. // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 гг. СПб., 2002. С. 250.

удивление с первого взгляда, иным уже по своей внешней организации. Заметим, что «удивление» российских офицеров и чиновников, знакомящихся с Грузией, символически сходно с «занятностью» Восточной Европы в травелогах французских, английских и немецких путешественников второй половины XVIII в., которая детально описана в классической работе Л. Вульфа.⁶

Продолжая описание Грузии, С. А. Тучков предпринимает небольшой исторический экскурс, в ходе которого замечает: «...грузины есть один из древнейших народов в Азии и что известен он в истории прежде многих европейских родов».⁷ В этом утверждении Грузия локализуется в пределах Азии, при этом подчеркивается древность страны, имеющей богатую историю. Здесь формируется еще одна опора российского дискурса Грузии XIX столетия. Кратко она сводится к утверждению, что историческое время Грузии прошло. Офицеры и администраторы, видя различные памятники грузинского прошлого, отмечали не столько их историческое значение, сколько их ветхость, рассматривали их как обломки безвозвратно минувшего времени.

В мемуарах Тучкова формулируется ставшая вскоре традиционной для имперской России политическая география Грузии, кратко обозначенная еще в «Манифесте к грузинскому народу». Под Грузией понимается лишь одна из ее частей, а именно Картли-Кахетия с центром в Тбилиси (Тифлисе). К территориям Западной Грузии — к Имеретии, Мингрелии, Гурии — номинация «Грузия» не применяется, хотя и отмечается их этнокультурная и историческая близость с «Грузией» / Картли-Кахетией: «Между тем видим мы по истории грузинской, что Колхида, нынешняя Мингрелия, в истории с Имеретией и Грузией не раз составляли одно государство и один народ. Наречие и в некотором отношении нравы их мало один от другого разнятся».⁸ Действительно, к началу XIX в. Грузии как единого государственного образования не существовало уже более трех столетий. Очевидно, этот факт и стал основой политического восприятия ее пространства российскими военными и чиновниками. Однако, известно, что Картли-Кахетия, Имеретия, Гурия, Мингрелия и другие

грузинские области составляли в пору расцвета могущества царского дома Багратионов (XII–XIII вв.) единое государство — Сакартвело (груз. საქართველო), т. е. Грузию.

Подобным образом сконструированная «Грузия» была признана российскими военными и чиновниками, как уже отмечалось, частью Востока, Азии. В соответствии с этим выстраивалось и восприятие южной имперской провинции, в целом, укладывающееся в концепцию Э. Саида, согласно которой «ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком».⁹ Грузия стала объектом приложения этой концепции, а значит, и интеллектуального подчинения: ее тоже открывали, описывали, к ней относились со снисхождением.

Население Грузии, включая дворянство, рассматривалось российскими чиновниками как часть общекавказского политического и социокультурного ландшафта. В «Замечаниях о Грузии», которые были подготовлены служившим в Тифлисской администрации в 1801–1805 гг. коллежским асессором Лофицким, грузинское дворянство, последовав примеру горцев, превратилось в группу «своевольных» грабителей.¹⁰ Не лучшего мнения о качествах грузинского дворянства был и титулярный советник Покровский, представивший в 1831 г. «Проект приведения Грузинского края в цветущее состояние». Среди прочего чиновник отметил, что грузинское дворянство, «не понимая прямых своих обязанностей и, так сказать, не умея познавать собственных способностей, состаревается (так в тексте. — А. У.) в праздности; иные из них в самых молодых летах, когда могли бы продолжать государственную службу и быть полезным как самим себе, так и отечеству, проживают при членах царского грузинского дома в единственное им отягчение; другие при открывающихся случаях, прибывая в столицу, домогаются без всяких заслуг то чинов, то денежных даяний, то пенсионов, чем и правительству наводят напрасные затруднения, и сами себя томят напрасными ожиданиями, живя здесь по несколько лет».¹¹

⁶ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁷ Тучков С. А. Указ. соч. С. 252.

⁸ Там же.

⁹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 10.

¹⁰ АКАК. Т. 3. Тифлис, 1869. С. 4.

¹¹ Проект титулярного советника Покровского // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. СПб., 2005. С. 50.

Грузинские обычаи и порядки представлялись чиновникам российской имперской администрации и военным частью «азиатского неустройства». Грузин по происхождению князь П. Д. Цицианов, управлявший российским Кавказом в 1803–1806 гг., описывая в одном из своих всеподданнейших рапортов пагубное внутреннее положение Грузии, управленческую и социальную «неразбериху», использовал характерные обороты: «обычай азиатский», «к удивлению азиатских народов».¹²

В дискурсе имперской администрации на Кавказе грузины не выделяются в качестве «ближних» партнеров, главной опоры в деле «умиротворения края». Напротив, есть примеры восприятия Грузии и грузин как самой большой проблемы. А. П. Ермолов, считавший себя продолжателем дела П. Д. Цицианова и управлявший Кавказом в 1816–1827 гг., в письме к М. С. Воронцову (кавказскому наместнику в 1844–1854 гг.) от 10 января 1817 г. так описывал свои впечатления от Грузии: «Я не вижу ни признательности к правлению, устраивающему благо его (грузинского народа. — А. У.), ни приверженности к государю, столько для него милосердному. Исключая небольшое число служащих военных, прочие не стоят тех попечений, которые о них им[е]ют. Давно ли был бунт в пользу царевича,¹³ которому глупостию и подлостью нет равных. Завтра большая часть Грузии будет за него; если легковерному и несмысленному здешнему дворянству чуть обстоятельства покажутся благоприятными. Словом, этот народ не создан для кроткого правления Александра, для него надобен скипетр железный. Прочие здесь народы гораздо лучше. Они знают свое невежество. Не в претензии быть людьми».¹⁴

Спустя месяц в рапорте императору Александру I Ермолов несколько смягчил свою оценку: «...в свойствах грузин ослабить законенную склонность к беспорядкам...»¹⁵ Однако в целом негативные коннотации Грузии как «страны Азиатской» и грузин как «народа Азиатского» превалируют над редкими замечаниями о единоверии как свидетельстве мен-

тальной близости. Это говорит, в частности, об особенностях мировоззрения российских администраторов и военных на Кавказе. Очевидно, что вопросы веры, религии находились на периферии их внимания и что кавказские народы воспринимались сквозь призму европейских категорий и стандартов порядка, устройства, системности, дисциплины.

В то же время попытки «наведения порядка» на Кавказе, предпринимаемые имперской администрацией, долгое время успеха не имели, а порой заканчивались полным провалом, как в случае с реформами сенатора П. В. Гана в 1840 г. Административные неудачи подрывали авторитет российской власти. В некоторых регионах Грузии вспыхивали восстания, подобные Гурийскому 1841 г. Тифлисский тайный осведомитель III Отделения СЕИВК отмечал: «Хотя Азийцы мало образованны, но чувствуют беспорядки и обиды, навлекающие негодование».¹⁶ Есть в его отчетах и общая характеристика «главных народов Кавказа», среди которых грузины упоминаются первыми и аттестованы как «по непостоянству и легкомыслию, влекомые мечтами».¹⁷ В последнем пассаже угадываются параллели с вышеприведенными ермоловскими опасениями по поводу неблагонадежности грузин.

В сочинениях чиновников российской администрации и военных Грузия рассматривалась как страна, наделенная природными богатствами и благоприятными для ведения хозяйства условиями, но беспрестанные войны, плохое управление, «самодурство дворянства», а главное «необоримая лень» местного населения были причиной крайнего запустения и тотальной разрухи. В «Кратком обозрении Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии», составленном офицером свиты российского императора штабс-капитаном Энгельманом в 1817 г., обстоятельства хозяйственного запустения описаны следующим образом: «Имеретия могла бы принадлежать к одним из щастливейших стран земли, буде бы она более обитаемая и лучше обработанною. Частые неприязненные набеги уменьшили ее население, естественное плодородие земли соделало жителей совершенно беспечными в рассуждении своего содержания. Имеретинец, будучи уверен в изобилии своего края, еще, наверное, менее был бы трудо-

¹² АКАК. Т. 2. С. 17.

¹³ Александр Ираклиевич (1770–1844) — сын картли-кахетинского царя Ираклия II. Последовательно выступал противником вхождения Грузии в состав Российской империи. В ходе Русско-персидской войны (1826–1828) был захвачен в плен и умер в Тифлисе.

¹⁴ Письма А. П. Ермолова М. С. Воронцову. СПб., 2011. С. 33.

¹⁵ Цит. по: Гордин Я. А. Ермолов. М., 2012. С. 385.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1156. Л. 3.

¹⁷ Там же.

любивым, буде бы корыстолюбие частных его владетелей не пробуждало его от его сладкого упоения».¹⁸ «Имеретинец» здесь описан в категориях, близких по символическому звучанию и когнитивному значению к терминам, используемым для описания «восточного человека» в литературе «ориентализма», проанализированной в известном исследовании Э. Саида. Житель Имеретии «беспечен» и не желает покинуть состояния «сладкого упоения», из которого он принужден выходить исключительно под экстремальным давлением внешних обстоятельств. Подобный образ во многом совпадает с европейским взглядом на «восточного человека», главной характеристикой которого является полное отсутствие энергии и инициативы.¹⁹

Приведем еще одну показательную цитату из «Краткого обозрения» Энгельмана: «Хотя подобная почва земли наверно производила бы и пшеницу, но имеретинец, навеки отказавшийся от трудолюбия, мало или почти совершенно не занимается ... обрабатывание гоми приносит род проса будучи более сходно с его наклоном, то есть ленью — более его занимает».²⁰ «Наклонность» к лени жителей Имеретии обретает детерминирующее значение в формировании хозяйственного облика региона. Эта же «леность» вместе с другими причинами делает «имеретинца» малополезным для империи: «Недостаток народной промышленности, лень и беспечность жителей, корыстолюбие помещиков на долгое время еще отделяют имеретинца от той счастливой минуты, чтобы, совершенно пользуясь благословением своего края, приближаясь сам к благоденствию; мог бы оной некоторым образом оказать благодарность свою и быть полезным столь часто спасавшему его правительству».²¹

Подводя итог, Энгельман попытался охарактеризовать ментальные особенности, общие для населения областей Западной Грузии (Имеретии, Гурии и Мингрелии): «Вообще, народы сии мстительны до чрезвычайности... Сребролюбие есть отличительнейшая черта характера сих народов. Недостаток промышленности и торговли, могущих некоторым образом удовлетворить оной, заставляет их часто прибегать к способам весь-

ма предосудительным».²² Примечательно, что набор пороков жителей Западной Грузии, отмеченный Энгельманом («сребролюбие» и «мстительность»), идентичен и для имперского образа «хищников» Северного Кавказа.²³

На протяжении первой половины XIX столетия набор основных типологических черт восприятия и описания Грузии и грузин в сочинениях российских военных и чиновников существенно не изменился. Элементы сложившейся в начале XIX в. имагологической структуры устойчиво воспроизводились. Одним из таких «штампов восприятия» стала «грузинская лень». В этом отношении довольно типично указание генерала М. Я. Ольшевского, служившего на Кавказе в 1840–1860-е гг.: «Грузин, имеретин, мингрелец, гуриец по лености редко когда займется очисткой и разработкой леса для своих полей».²⁴ Это и другие многочисленные указания российских наблюдателей на лень, свойственную жителям Грузии, перекликаются с подобными же оценками нравов горцев Северного Кавказа. В произведении «Война на Кавказе и Дагестан. 1844 год» офицера российского Генерального штаба В. И. Мочульского есть такое замечание: «Бедность многих семейств и даже обществ в Дагестане и *природная лень и беспечность всех горцев на Кавказе* вынуждает их грабежами снискивать себе то, в чем природа им отказала».²⁵ Сходство повседневной жизни, нравов грузин и горцев, подмечаемое русскими военными и чиновниками, сближало первых с остальными «туземцами» и делало их равноудаленными «другими».

Похожими (если не одинаковыми) в глазах русских наблюдателей были не только жители Кавказа, но и сама однообразная служба на южной окраине империи. Жизнь в Тифлисе мало отличалась от рутины в других городах и укреплениях на Кавказе. Так, общим местом воспоминаний русских офицеров и чиновников о «кавказском» этапе жизни были указания на смертельную скуку, царившую в гарнизонах Кавказской укрепленной линии. Офицеры проводили долгие жаркие дни «шатаясь из одного угла в другой» в поисках

²² Там же. Л. 43.

²³ См.: Хуан Ван-Гален. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. С. 352.

²⁴ Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866. СПб., 2003. С. 305.

²⁵ Мочульский В. И. Война на Кавказе и Дагестан. 1844 год. Махачкала, 2012. С. 72.

¹⁸ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 74. Л. 2.

¹⁹ См.: Саид Э. Указ. соч. С. 60.

²⁰ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 74. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 7.

«хоть какой-нибудь крохи для развлечения».²⁶ О тифлисской жаре и скуке не забыл упоминуть в своих мемуарах А. А. Харитонов, служивший в 1847–1849 гг. председателем Тифлисской казенной палаты. Спасение чиновник искал в усердном труде: «В усиленных занятиях находил я лучшее лекарство от скуки и грустных мыслей о покинутом Петербурге».²⁷ Впрочем, усилиями наместника М. С. Воронцова Тифлис к середине XIX столетия приобрел почти европейский вид, благодаря, в частности, появлению в городе театра, гастроям известных музыкантов, организации художественных выставок, регулярно проводимому скачкам. Но на новичков, только недавно приехавших в столицу наместничества, Тифлис по-прежнему производил впечатление города «скудного» и даже «гадкого».²⁸

Еще одной гранью ментального образа Грузии и грузин в сочинениях военных и чиновников Российской империи была его ориентализация. Вспоминая о годах службы на Кавказе, князь А. М. Дондуков-Корсаков писал, что, оказавшись в долине реки Арагвы, он был уже в Грузии: «*все веяло востоком* и новыми для меня впечатлениями посреди живописной природы юга. Тут впервые увидел я беспечных грузин, услышал зурну, видел на плоских крышах проезжаемых деревень веселые танцы грузинок, оценил кахетинское вино и шашлыки в грузинских духанах и, наконец, восхищенный окружающей меня природой, приехал вечером в Тифлис».²⁹ Ориентализация Грузии была двух типов. Первый из них, как в вышеприведенной цитате из воспоминаний Дондукова-Корсакова, под «восточностью» концептуализировал экзотичность окружающего пространства, его сказочность, мифичность и не имел негативных коннотаций. Второй тип ориентализации восприятия Грузии ярко представлен в воспоминаниях генерала М. Я. Ольшевского. В частности он пишет: «...не ждите от них (грузин. — А. У.) любезности. На все ваши вопросы будут односложные ответы. Это соответствует их образу жизни, потому что *семейная жизнь грузин не далеко опередила мусульманский восток*».³⁰ Этот тип ориентализации, маркируя нечто в качестве «востока», синтезировал в этой

номинации совершенно иное, а именно отсталость, дикость и варварство, что сопровождалось шлейфом негативных коннотаций. Прослуживший в административных учреждениях на Кавказе около полувека В. А. Дзюбенко (1829–1876 гг.) увидел и навсегда запомнил население Тифлиса таким: «Теперь, после 79-ти лет,³¹ протекших со времени принятия Грузии под покровительство России, тамошние жители нисколько не стали опрятнее, не усвоили себе ничего лучшего. Грузин, или армянин, часто носит свою чоху (верхняя одежда особого покроя), рубашку и нижнее платье — до износу, так, что иногда случается видеть человека с одним воротником вместо рубашки. Подходить страшно не только к простому туземцу, но иногда и к кому-нибудь выше его стоящему».³² В воспоминаниях российских чиновников и офицеров легко найти описания «азиатского смрада» Грузии, но очень трудно обнаружить даже намеки на единство христианского духа народов империи и ее новых подданных.

Грузинское «варварство», фиксируемое российскими наблюдателями, иногда помещалось на контрастный фон великого прошлого грузинской монархии, останки которого привлекали внимание военных и чиновников. Адъютант М. С. Воронцова князь М. Б. Лобанов-Ростовский в докладной записке 1846 г. отмечал: «Судя по многочисленности сохранившихся церквей, по богатству и иногда по изяществу их внутренних украшений, надо полагать, что Сванетия была в то время и населеннее и образованнее настоящего. *Посреди невежества, в котором она теперь коснеет, сохранилось одно живое предание о Великой Царице Тамаре, показывают замки, в которых она жила, во многих церквях хранятся вещи, ей будто принадлежавшие, и в трех местах назначают ей гробницу*».³³

Таким образом, в первой половине XIX в. образ Грузии и грузин трудно отделить от общего «кавказского» дискурса имперской военной и административной элиты. После вхождения в состав Российской империи в 1801 г. Грузия воспринималась российскими военными и чиновниками как элемент Азии, Востока.³⁴

²⁶ Ключек из походной жизни // Кавказ. 1849. № 4. С. 13, 14.

²⁷ Из воспоминаний А. А. Харитонова. Служба при князе Воронцове // Русская старина. 1894. Т. 81. № 1–3. С. 67.

²⁸ Тифлис в настоящее время // Кавказ. 1848. № 42. С. 169.

²⁹ Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания // Старина и новизна. 1902. Кн. 5. С. 46.

³⁰ Ольшевский М. Я. Указ. соч. С. 296.

³¹ Вероятно, с 1783 г. — времени заключения Георгиевского трактата.

³² Воспоминания В. А. Дзюбенко. Полувековая служба на Кавказом (1829–1876) // Русская старина. 1879. Т. 25. № 8. С. 642.

³³ ГАРФ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

³⁴ АКАК. Т. 2. С. 5.

Учитывая то, что империя Романовых всегда подчеркивала свой статус неотъемлемой части европейской «семьи народов», можно утверждать что, такая локация единовременной страны глубоко символична. Как и другие народы Кавказа, грузины воспринимались в качестве «невежественных азиатцев» — символического

«другого», на контрасте с которым империей выстраивалась и подчеркивалась собственная европейская идентичность. «Обособление» грузин из числа других кавказских народов намечается только с 1850-х гг., когда за ними начинает закрепляться имидж «прилежных учеников просвещенной России».³⁵

Amiran T. Urushadze

Candidate of Historical Sciences, South Federal University (Russia, Rostov-on-Don)

E-mail: urushadze85@mail.ru

FRIEND-OR-FOE? GEORGIA AND GEORGIANS THROUGH THE EYES
OF THE RUSSIAN ARMY OFFICERS AND ADMINISTRATORS (FIRST HALF
OF THE 19TH CENTURY)

The article is a discussion of the roots and the specifics of the process of evolution of the Russian society's perception of Georgia and Georgians in the first half of the 19th century. In the official documents and memoirs of the Russian army officers and administrators Georgia and its people were described as a part of oriental Asian world. The common religion factor did not play any significant role in the drawing of a mental map of Georgia, which in the studied documents was not perceived as a territory different from the rest of the Caucasus populated by Muslim societies. The Georgians also were not perceived as reliable partners in the process of "pacification" of the Caucasus, they were treated rather as a precarious ally.

Key words: Georgia, Georgians, Russian Empire, Caucasian war, images of perception

REFERENCES

- Vulf L. *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: the card of a civilization in consciousness of an era of Education]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 560 p. (in Russ.).
- Gordin Ya. A. *Yermolov* [Yermolov]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2012, 600 p. (in Russ.).
- Mochulskiy V. I. *Voyna na Kavkaze i Dagestan* [War in the Caucasus and Dagestan]. Makhachkala: Dagestanskii tsentr gumanitarnykh issledovaniy imeni Imama Shamilya Publ., 2012, 178 p. (in Russ.).
- Olshevskiy M. Ya. *Kavkaz s 1841 po 1866* [The Caucasus with 1841 on 1866]. St. Petersburg: Izdatelstvo zhurnala «Zvezda» Publ., 2003, 608 p. (in Russ.).
- Pisma A. P. *Yermolova M. S. Vorontsovu* [A. P. Yermolov's letters to M. S. Vorontsov]. St. Petersburg: Izdatelstvo zhurnala «Zvezda» Publ., 2011, 380 p. (in Russ.).
- Proekt titulyarnogo sovetnika Pokrovskogo* [Project of the titular counsellor Pokrovsky]. Kavkaz i Rossiyskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i realnost. Nachalo XIX – nachalo XX vv. – Caucasus and Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. The beginning of XIX – the beginning of the XX. St. Petersburg.: Izdatelstvo zhurnala «Zvezda» Publ., 2005, pp. 48–59. (in Russ.).
- Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Petersburg.: Russkiy Mip Publ., 2006, 637 p. (in Russ.).
- Tuchkov S. A. *Zapiski 1766-1808 gg.* [Notes of 1766-1808]. Kavkazskaya voyna: istoki i nachalo. 1770–1820 gg. – Caucasian war: sources and beginning. 1770-1820. St. Petersburg.: Izdatelstvo zhurnala «Zvezda» Publ., 2002. pp. 218–340. (in Russ.).
- Khuan Van-Galen: *Dva goda v Rossii – Two years in Russia.* Kavkazskaya voyna: istoki i nachalo. 1770–1820 gg – Caucasian war: sources and beginning. 1770-1820. St. Petersburg.: Izdatelstvo zhurnala «Zvezda» Publ., 2002, pp. 349–456. (in Russ.).
- Tsutsiev A. A. *Russkie i kavkaztsy: ocherk privychnykh vospriyatii* [Russians and Caucasians: sketch of habitual perceptions]. Nauchnaya mysl Kavkaza – Scientific thought of the Caucasus, Part 1, 2001, no. 2, pp. 65-74; Part 2, no. 3, pp. 46-56. (in Russ.).
- Layton S. *Russian Literature and Empire. Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy.* Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 354 p. (in English).

³⁵ См. например: Кавказ. 1851. № 1 (от 5 января). С. 1.